

это все образы, которые можно представить и вне той судьбы, той жизненной ситуации, в которых они нам даны. Вертер мог не встретить Шарлотту, Алеко мог не попасть к цыганам, все равно Алеко остается Алеко, а Вертер — Вертером. Ибо это уже не естественные индивидуумы, а общественные индивидуальности.

Неразделимое единство судьбы и характера задано классицистической трагедии эгоистической моралью, не искавшей других импульсов человеческого поведения, кроме стремления к личному благу, не знавшей другого понятия блага, кроме частного блага.

О специфике характера, конструируемого эгоистической моралью, говорит Гегель в «Лекциях по эстетике». И его слова вскрывают самое существенное в этической проблематике расиновского, а в какой-то мере и корнелевского театра. «Чем более частным является характер, — читаем у Гегеля, — твердо ориентирующийся только на самого себя и благодаря этому легко скальзывающийся ко злу, тем более приходится ему в конкретной действительности не только, отстаивая себя, бороться против препятствий, которые попадают у него на дороге и мешают осуществлению его целей, но и в еще большей мере также само это осуществление толкает его к гибели. Когда он прокладывает свой путь, его настигает порожденная самим же определенным характером судьба, подготовленная им самому себе гибель. Но развертывание этой судьбы не только происходит из действия индивидуума, а есть вместе с тем внутреннее становление, развертывание самого характера в его бурном устремлении, одичании, крушении или изнеможении... развитие действия есть также и развитие индивидуума в его субъективной внутренней жизни, а не только внешнее движение событий».³³

Структуру и судьбу «индивидуального», т. е. эгоистического характера Гегель иллюстрирует на примере Макбета: «Поступки Макбета... выступают... как одичание его души, совершающееся так последовательно, что, после того как он овладевает с нерешительностью и жребий оказывается брошенным, оно уже больше ничем не может быть задержано».³⁴ Эта характеристика может быть полностью отнесена и к героям Расина — к Гермione, Роксане, Федре, Нерону, а также и ко многим героям Корнеля. И это еще раз говорит о том, что между театром Шекспира и французским классицистическим театром XVII века имеется больше общего, чем это принято думать. Как для

³³ Гегель, Сочинения, т. 13, кн. 2, Соцэкгиз, М., 1940, стр. 141.

³⁴ Там же, стр. 141—142.